

Бойчук С.С.

*к. филос. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права Луганского государственного
университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*

БЛЕСК И НИЩЕТА «СОСЛОВИЯ АДВОКАТОВ» В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

среди небольшого разнообразия развлечений, доступных бедноте имперского рима, особое место занимало посещение судебных заседаний: не столь красочные и великолепные как бои гладиаторов, но более регулярные многочисленные процессы позволяли праздным и скучающим жителям вечного города скоротать свой день. Предлагаемое под сенью Фемиды зрелище при удачном стечении обстоятельств обещало затмить пошловатый фарс традиционной комедии, в которой хитроватый горбун водил за нос лысого обжору с ослиными ушами. Живые страсти, авантюрный сюжет, плутовские выдумки и виртуозная игра главного актера давали зрителям столь редкие в жизни властителей ойкумены счастливые моменты и тему для разговоров на ближайший вечер. также немаловажным фактором, обеспечивавшим повышенный интерес к судебному театру по сравнению с традиционным, являлся гарантированный успех любого представления, ведь даже провал речивыступающего сопровождался не насмешливым свистом, а радостными улюлюканьем и беззаботным хохотом.

На первый взгляд, данное сравнение столь неприличной в категориях римского мышления профессии лицедейства с высоким гражданским долгом защитника в суде – неуместно и определяется простым внешним совпадением случайных характеристик, таких как неизменность масок, участвующих в драме, недостойность денежного вознаграждения за труд или использование всевозможных трюков для привлечения внимания и сочувствия аудитории. однако если отказаться от современных суждений должном и повнимательнее присмотреться к живой вселенной античных символов, то вопрос оплаты окажется существенным вследствие того, что безвозмездность выступала фундаментом любой публичной деятельности на благо государства. вместе с тем оговоренная или назначенная сумма необходимо переводила любую деятельность в

разряд неблагородных занятий, недопустимых для потомков ромула (добровольный дар не был столь унижительным, но и он не допускался для защитников с позиций римского аристократического идеала доблести).

кроме того «зрелищность» правосудия, которая так привлекала жадный до представлений столичный плебс, оказывается следствием не простой тяги к театральным эффектам прилежных выпускников эллинской школы красноречия, а закономерным выражением природы римского суда как диалектического ристалища, где первенство принадлежит ораторским ухищрениям, отодвигающим юридическую казуистику на задний план. Причина расставления приоритетов подобным образом заключается в несравнимо большей эффективности правильно развитой способности к декламации перед осведомленностью в области гражданского права. При этом, необходимо помнить, что именно крайнее злоупотребление трагическими приемами в судебном производстве и постоянное обращение к чувствам зрителей, а не к разуму, выделяется современниками в качестве одного из главных отличительных признаков тактики поведения римских ораторов в судебных делах. Против грамотного и умеренного использования, как правило, никто не возражал. из обычного арсенала наиболее популярных уловок, призванных вызвать сострадание и оправдательный вердикт, упоминают слезы маленьких детей, благородную седину прославленных родителей, рубцы от галльских или германских мечей. На этом фоне стандартных технологий, со временем ставших простым механистическим дополнением слов, выделялись нетривиальные решения гениальных «мастеров», способных отвлечь плачущих малышей бросаемой им под ноги едой или произносить речь под мелодичные напевы флейты и околдовывать всех словно индийский факир.

Приведенными примерами не исчерпывается сходство театра и суда в античном риме. однако они позволяют увидеть то особое символическое сродство этих культурных феноменов, укорененное в сущностном подобии самих структур говорения актера и оратора, что возникают в рамках экзистенциальной ситуации соотносительности индивида с миром истинного бытия, и определяемой произносимым словом особой риторической стратегией смыслополагания.

содержание данной стратегии сводится к совращению речами, манипуляции сознанием и мягкой формой подкупа честных, отказавшихся от вульгарного подношения сестерциями. создаваемый идол театра позволял ораторам, этим избранникам и любимцам толпы, «не то поэтам, не то драматическими любовниками, не то чарующим баритонам» (оценка с.а. андреевского защитников, занимавшихся уголовными процессами), с подмостков храма взывая к небесам, вскипая праведным негодованием и посылая проклятья, преобразовывать материю фактов в иллюзию чувств и сопереживания. оборотной стороной этого блеска алхимического превращения слабого в сильное во имя торжества справедливости над мертвой буквой закона выступает нищета адвокатского звания, ведь сопряженные с ней тяготы «едва ли может выдержать человек с развитым чувством собственного достоинства» (историк времен поздней империи аммиан марцеллин).

своеобразным противовесом изяществу многословия судебных ораторов выступала краткость ответов и толкований юри-консульта, предназначенных судьбой быть оракулами города и спасать смертных от несчастий сакральными советами. Противоположность между адвокатами и юристами усиливалась престижной безвозмездностью труда последних, что опиралась на особое знание-благоразумие (*prudentia*), понимаемое в качестве практической добродетели, т.е. такого свойства души, которое не изучается в школьном смысле подобно искусству красноречия. Будучи результатом личностного возрастания в культуре и традиции, это особое понимание права было сродни философской мудрости стоического идеала и поэтому оказалось столь кристальным, парадигмальным и с неотвратимым долженствованием разумным.

в завершении отметим: значение дихотомии юристы-ораторы в истории римского права можно оценивать по-разному и даже пытаться ее не замечать, как это принято в отечественной науке, тем не менее, разделение сфер деятельности между этими «профессиональными» группами позволило сформироваться канону юриспруденции. При этом доблесть разума знатоков права, свободная от театра правосудия и ведомая философией высшего закона, сыграла решающую роль в становлении классической системы юриспруденции в ойкумене порядка и совершенных дорог.